

Александр Коломийцев

с. Зональное,
Алтайский край

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2-8/2017)

– 8 –

Каменная крошка, угловатые неровности почвы острыми впивались в колени, ладони. Голова, плечи больно ударялись о кровлю, стенки выработок. Чрево шахты заполнял вязкий мрак, требовалась привычка, особая сноровка, чтобы передвигаться по тесному лабиринту без ссадин и ушибов. За каждым поворотом, в каждой нише таился свой Минотавр. Сырой, затхлый воздух вынуждал дышать широко открытым ртом. Всё равно воздуха не хватало, дыхание с усилием вырывалось из груди. Первые дни из-за бесчисленных ссадин, порезов, ушибов, налагающихся друг на друга, казалось, что с половины тела содрана кожа, всякое движение сопровождалось болью. Боль стала фоном существования, жизнью это существование назвать было нельзя. Утром,

едва он, опустив в чёрную дыру ноги, нащупывал верхнюю ступеньку, притихшая за ночь боль, принималась с остервенением терзать тело. Напутствием ежедневного спуска в шахту служил удар по спине. Тело молило о пощаде, но мимолётную передышку получало лишь при замене полной корзины на пустую. Принимая порожнюю тару, Анаксимандр опирался руками о край корзины, несколько мгновений застывал в оцепенении, и снова вперёд, в черноту, в которой кое-где, нещадно чадя и сжигая животительный воздух, плавали жёлтые кошащие глаза светильников. Быстрее, быстрее, иначе изуверская истрихида исполосует тело, превратив его в развёрстную рану.

К боли, причиняемой ссадинами, ушибами, бесконечным битьём добавлялась непроходящая усталость, превратившаяся в разновидность муки. Ломило поясницу, шею, плечи. К непосильной работе добавлялись ночные сквозняки в щелястом бараке. Стараясь отвлечься от непрекращающейся боли, Анаксимандр, двигаясь в подземном лабиринте, принуждал себя к воспоминаниям и размышлениям.

После того как вкусил ты, владыка, от пищи бессмертной,

Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,

Слабы свивальники стали и все распустились завязки.

Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:

«Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру

Людам начну прорицать я решенья неложные Зевса!»

Гнойный жёлто-оранжевый светляк, поворот к слабому дуновению свежего воздуха. Навстречу пробирался носильщик с пустой корзиной, разминаясь в темноте, Анаксимандр не рассчитал движения, шаркнул правым плечом по камню. На полпути к шахтному дворику пришлось пообщаться с каменной стеной плотнее. Навстречу, тесня нагруженных носильщиков, пробирался надсмотрщик, сквозь зубы поминавший демонов и ленивое отродье, не желающее работать. Анаксимандр замер, поневоле прислушиваясь. Только серьёзная

причина могла подвинуть надсмотрщика к путешествию по рукотворному тартару. Привычный перестук молотков изменился. Какого-то бедолагу оставили силы, и ничто теперь не спасёт несчастного от наказания. Мольбы на хозяйских холуёв не действуют: пожалуй изнурённого работой рудокопа – самому оказаться на его месте. А может, несчастный, лишившись жизни, всё-таки обретёт заветную свободу? Видики, кружась в нескончаемом вихре, неведомым образом сгруппируются, представив своим множеством живое тело. Они же в своём бесконечном кружении, рассыпались, и исчезло живое тело. Только и всего, и нет места страданию и скорби. Придёт время, те же самые видики опять сгруппируются и вновь явят живое тело. Отчего же человек так, до душевной дрожи, боится смерти? Ведь не жизнь, а сплошная мука, но всё равно человек предпочитает мучаться, а не уходить в небытие. Очевидно, видикам, образующим душу, не хочется разлетаться в пустоту.

На развилке, где в начале ходки Анаксимандр пребольно саданул плечом о каменный выступ, пришлось вцепиться в стену. Не обращая внимания на встречающихся носильщиков, надсмотрщик возвращался со своей жертвой. Теперь Анаксимандр рассмотрел его, это был Кривонос. Не выказывая ни капли сострадания к чужой боли, Кривонос влёк рудокопа за ногу. Голова рудокопа болталась из стороны в сторону, подпрыгивала на неровностях почвы. Лицо, заросшее клочковатой рыжей бородой, окрашивала кровь, казавшаяся почти чёрной в зыбком свете масляной плоски. Из тёмного провала рта вырывались стенания, булькающие хрипы. Голова подпрыгнула на камне, склонилась набок, и изо рта хлюпнула кровь.

Протиснувшись к забою, Анаксимандр, взбудораженный увиденным, хотя казалось, чему удивляться, ко всему привык, торопливо укладывал в корзину куски отколотой породы. Шахтные сторукие отчитывают время и без клепсидры. В густом полумраке, не углядев, схватился за ступню лежавшего на спине рудокопа. Нога дёрнулась, рудокоп вскрикнул, брыкнул и угодил пяткой в нос носильщику. Анаксимандр охнул, прикрыл нос ладонью.

– Это ты, Купец? – рудокоп извернулся боком, вглядываясь в носильщика, развернул плоску. – А я уж думал, демоны меня в тартар тащат.

– А ты обол приготовил? – проворчал Анаксимандр, шевеля пальцами ушибленный нос.

– Зачем он мне? За нами ни Гермес не придёт, ни Харон в свою лодку не посадит. Только демоны не побрезгуют, – рудокоп уже стучал молотком.

– Рыжего не демоны, Кривонос только что выволок, – сообщил Анаксимандр, продолжая подбирать породу.

Рудокоп промолчал, корзина наполнилась, и Анаксимандр тронулся в путь.

Знаменьё очень полезное мне – и его не отвергну!

Здравствуй, приятная видом, размерная спутница хора,

Пира подруга! Откуда несёшь ты так много утехи,

Пёстрый ты мой черепок, черепаха, живущая в скалах?

Замена корзины, и в обратный путь, теперь к другому рудокопу.

Подобно Дионису, отбивавшемуся от морских разбойников-тирренцев и обернувшегося одновременно львом и медведицей, Анаксимандр одновременно пребывал в двух ипостасях – настырного учителя и ленивого упрямого школяра. К сожалению, подобно Дионису, не мог сбросить с себя оковы. Нерадивый школяр всеми силами пытался удержаться в бездеятельной дрёме, неотступный учитель принуждал мозг бодрствовать. Мысль упрямылась, размышления давались с трудом. Воспоминания о восхитительных вечерах у Клеи, о милом семействе, Клеобулине, то страстной, то нежно-податливой, приходили сами собой, без особого напряжения. Поднатужившись, память оживляла строфы гимнов, трагедий Эсхила, поэм Гомера. Но как только Анаксимандр принимался размышлять, мысль приходилось понукать и удерживать уздой.

«Ничто не происходит как попало, но всё – из Логоса и в силу необходимости». Всем управляют разум и необходимость. Но где же боги? Если вся материя, космос, земля состоят из неделимых плотных видиков,

которые самопроизвольно то собираются в единое, то рассыпаются в пространстве, кто же такие боги? Неужели они, как люди, состоят из видиков? Но в таком случае они, как и люди, смертны, не могут творить всякие чудеса и вовсе не всемогущи. Да существуют ли они вообще? Левкипп во время бесед почему-то увиливал от разрешения вопроса о богах. Не имел ответа или опасался нарваться на туповатого в мыслях и рьяного в действиях клерикала и оказаться обвинённым в святотатстве? Святотатство – тяжёлое преступление. За него можно навеки лишиться гражданства, отправиться в изгнание или и того хуже. Скромность Левкиппа в данном вопросе понятна. Необходимость – это судьба. Судьба ведёт человека против воли, невзирая на те или иные поступки. Судьба сделала рабом его, свободного эллина. Когда между полисами возникают несогласие, раздор, когда эллин с оружием идёт на эллина, и тогда пленников не обращают в рабство, а назначают выкуп, и города платят назначенную сумму за освобождение своих граждан. За что ему такая судьба? Ведь не к персу он попал в рабство, а к афинянину, такому же эллину, как и сам, они даже разговаривают на одном наречии. Мысли буксовали, путались, расползались. А ведь знания, полученные умственными размышлениями выше знаний, обрётённых благодаря чувственности. Так объяснял Левкипп.

...Человек должен черпать наслаждения из самого себя...

...Никто и ничто не беспокоит нас, беспокоят нас только наши собственные страсти...

...Животные знают меру своих потребностей, человек же не знает...

...Умеренность умножает наслаждение и делает удовольствие ещё большим...

...Свою жизнь надобно сравнивать с жизнью живущих хуже и считать себя счастливым, обращая внимание на то, что последним приходится терпеть и насколько тебе живётся лучше, чем им...

Последний тезис развеселил Анаксимандра, вызвав неудержимый рыдающий хохот. Он стоял на четвереньках и содрогался в необоримых конвульсиях. Хохот, похожий на лай, гулко разносился по всему подземелью, заставив поёжиться даже надсмотр-

щиков, карауливших каждый звук. Уж не Минотавр ли явился за своими жертвами? Ползущий навстречу нагруженный породой носильщик боязливо посторонился, прижимаясь к стене, миновал бьющегося в истерике собрата. Анаксимандр сменил позу, попытавшись сесть, пребольно ударился затылком о кровлю. Мысли горемычного любомудра витали далеко от ненавистного подземелья, он не понимал, где находится. Гром, сотрясший голову, привёл в чувство. Просвещённый купец, увлечённый размышлениями о сущности бытия, медленно, словно возвращаясь из небытия, пришёл в себя, вернулся в нынешнее бесправное состояние. Сзади слышались нетерпеливые окрики, он убыстрил движения, ещё не вполне сознавая, куда и с какой целью пробирается в душном подземелье.

Ночью, ворочаясь на жёстких нарах, не в силах заснуть от усталости, Анаксимандр опять размышлял о разлетающихся после смерти видиках души и тела. Такая концепция ему не нравилась, ибо исключала справедливость. Если после смерти душа уходит в небытие, вернее исчезает, значит, нет айда, островов блаженных, нет тартара. А отсюда выходит, что цари, совершившие столько преступлений и доставившие народам неисчислимы бедствия, избегли наказания. Это представлялось несправедливым, но в несправедливом устройстве мира он убеждался ежедневно.

Изнурительная работа, недоедание, недостаток сна истощали не только тело. Мозг цепенел, погружаясь в летаргический сон. Изменения, происходившие с ним, страшили. Анаксимандр боялся превратиться в безмозглого скота и не заметить трагического перехода.

*Горе! Не в добрый час,
Вооружённая до зубов,
Двинулась Азия на Элладу,
В землю страшную вторглась!*

Не только мысль утрачивала остроту, становилась неповоротливой, тяжелодумной, слабела память.

*О нет, числом – в том нет сомненья –
варвары*

*Сильнее были. Около трёхсот всего
У греков оказалось кораблей, да к ним...*

Как-то Анаксимандр целый день припоминал «Персов», но смог с уверенностью восстановить в памяти лишь несколько строф. А между тем эту трагедию ставил выше прочих. «Персы» оживляли дни боевой молодости, наполняли душу гордостью, радостью обрётённой свободы.

А однажды, беседуя в мыслях с философом, Анаксимандр призадумался. Если всё сущее состоит из статуэток, которые соединяются то тут, то там, значит, варвары, рабы такие же люди, что и эллины. Эллины совершают несправедливость, считая рабов не людьми, а человеконогоими. Мысль о несправедливости, установившейся между свободными и рабами, обдумывал седмицу. Мысль кружилась, возвращалась к обдуманному, стоило немалых усилий заставить её двигаться дальше.

Рабы тупы, необразованны потому, что задавлены непосильной работой, каждодневным битьём, страхом перед наказанием. А страх стоит заслоном перед размышлениями, страх парализует мозг. Если рабы избавятся от непосильной, изнуряющей работы, освободятся от страха, у них появится возможность размышлять, им станут доступны высшие знания, и, благодаря обрётённым знаниям, они станут полноценными людьми и сравниваются с эллинами. О, когда он вырвется из этого тартара, вернётся домой, непременно изменит жизнь своих рабов. Воспоминания о тумаксах и подзатыльниках, полученных Аланом во время постижения грамоты, вызвали у него стон. Почему-то Анаксимандр, он сам не знал почему, всё говорило о противном, подспудно был уверен, что вернёт себе свободу. Эллин не может быть рабом, это противоестественно.

На следующий день он усомнился в своих выводах. Разве все рабы заслуживают участия? Надсмотрщики такие же рабы, как и рудокопы, носильщики, дробильщики, углежогои, но как же они безжалостны к своим несчастным собратьям. А сколько среди этих несчастных подлых наушников, за чашку каши доносящих управляющему на своих товарищей? Но ведь и среди эллинов встречаются подлецы и негодяи, не все эллины честны и благородны.

С другой стороны, если он не будет иметь рабов, его жизнь кардинально изменится. Клеобулине с Мирсиной, как жёнам и дочерям простых ремесленников, придётся с утра до вечера стоять у ткацких станков, гнуть спину на огороде, возиться на кухне. Ему, в лучшем случае ради драхмы в день, придётся самому добывать масло, сыновья станут помогать ему в трудах и останутся полуграмотными. И прощай папирусы, размышления, наслаждения музыкой, симпозиумы. Значит, рабство необходимо. Если чёрную, тяжёлую работу не будут исполнять рабы, кто станет заниматься государственными делами, проектировать города, водопроводы, мосты, ваять скульптуры, писать стихи? Стало быть, в том, что он превратился в раба, есть справедливость, необходимость. Нет, тут что-то не так. Не могут равные быть рабами равных. Нет в этом справедливости. Но разве, обращая персов в рабов, судьба не поступает справедливо? Как за святотатство, грехи, совершённые родовичем, весь род до скончания веков несёт на себе скверну, так и персы, пока живут на белом свете, повинны перед эллинами. Сколько горя, бедствий принесли мидяне эллинам. Его собственный отец едва выжил после увечий, полученных при обороне Милета, и так и остался инвалидом и умер, не дождавшись освобождения. Сестру угнали в Бактру, брата оскотили и продали в невольники. Мать подверглась насилию на его глазах, выжила только благодаря желанию спасти его, своего последнего, младшего ребёнка. Кошмар, пережитый в детстве, беспорядочными, отрывочными картинками навечно впечатался в память. Но то персы, а скифы, египтяне, бриги, ливийцы, фракийцы и прочие? Равный не может превращать в раба равного. Не зря мудрейший Солон отменил кабальное рабство в Аттике. Примеру Афин последовали все полисы, в которых установилось народовластие. За пленника, захваченного в бою, победитель вправе требовать соразмерный с достатком полонянина выкуп, но не обращать побеждённого в раба. Но как эллины смогут жить без рабов? Останутся эргастерии, одичают поля в имениях. Кто он такой, чтобы протестовать против миро-

вых порядков? Однако рабы такие же люди, как и эллины, также испытывают боль, хотят есть, пить, жить, а не умирать. Мысли Анаксимандра путались, размышления зашли в тупик. Но неколебимой уверенности в справедливости миропорядка уже не было. Рабы не человеконогие, а люди. В последнем убеждало его собственное нынешнее состояние.

Сменился год, наступил самый жаркий месяц – гекатомбеон. Горны не дымили седмицу, – афиняне отмечали Великие Панафиней. Метеки, считавшие себя прирождёнными афинянами, хотя и не имеющими гражданства, участвовали в празднествах. Для рабов же праздников не существовало, и работы продолжались с обычной интенсивностью. В конце месяца рудника достигла весть, вызвавшая у свободных уныние и беспокойство. Персы разгромили в Египте афинский флот. Варвары перехитрили эллинов, осушив один из рукавов Нила, в котором находились афинские боевые корабли, и посадили эллинские триеры на мель. Эскадру, высланную на помощь, персы разгромили превосходящими силами. Все ждали нового нашествия, афиняне с ужасом, рабы с затаённой радостью и надеждой. Но нашествие не состоялось. Силы персов были не те, чтобы сразиться с эллинами в открытом бою. Победа в одной битве не означает победы в войне. А затянувшуюся войну персы проиграли. Поражение в дельте Нила афиняне обратили себе на пользу. Это случилось несколько позже, и рабы не могли предположить такое развитие событий, а пока находились в лихорадочном состоянии, предвкушая изменение своей участи.

Анаксимандр поражению афинян не радовался. Злое чувство к ним несколько поостыло, и в отличие от собратьев по несчастью он прекрасно понимал, что означает нашествие персов на Элладу. Первыми падут малоазийские города, и его милое семейство постигнет ужасная участь. К тому же афиняне предприняли поход в Египет не ради грабежа сокровищ фараонов и захвата рабов, а для помощи египтянам, восставшим против персидского ига, и поэтому заслуживали сочувствия. И потом, кто сказал, что, войдя в Аттику, персы дадут свободу

рабам? Персидским царям и вельможам нужно серебро, и как персы относятся к рабам, ему доподлинно известно. Весть, опечалившая хозяина, опечалила и одного из его рабов, к которому тот был безжалостен и жесток.

Беспокойство, не позволявшее изнурённым рабам заснуть, заставлявшее шептаться, бросать украдкой злобные взгляды на своих жестоких притеснителей, коснулось и Анаксимандра. Просвещённый милетянин твёрдо решил избавиться от рабской доли и обрести свободу. Каждый день, проведённый в шахте, безвозвратно отнимал толику сил. Каким он был полтора года назад, и в кого превратился ныне? Пройдёт ещё год, и он физически не сможет бежать.

Солнце довершило деяния коз. На месте зелёного ковра, дающего пищу всякой животине, торчали жёсткие бодылки, чахнувшие в нескончаемой жаре. Оголодавшие за ночь козы, почуяв пищу, с бляньем устремлялись наперегонки по вытоптанному склону к зелёному лесу. Достигнув манящей зелени, становились на задние ноги, опираясь передними на ветви, и сжирали всё подряд – листья, молодую хвою, нынешние побеги. После посещения мекающего стада, окраина леса выглядела жалко, становилась голой, ободранной. Лишь на высоте более оргии, куда не могли дотянуться морды прожорливых тварей, оставалась зелень. Объем кустарник, подлесок на окраине, козы норовили углубиться в чащу, но мохнатые четвероногие сторожá были начеку и направляли бестолковое стадо вдоль опушки.

Согбенный пастух, добредя до леса, опускался на землю. После подъёма кружилась голова, дрожали колени. Передохнув, старик пересчитывал стадо и усаживался в тени. За коз не беспокоился. Верные псы вовремя почуют хищника, не позволят безмозглой скотине потеряться в лесу.

Старик смотрел слезящимися глазами на безлесную лощину, горы, поглядывал на солнце, поднимался, обходил неугомонное, ненасытное стадо. Козы не коровы, стоило одной непоседе отделиться от стада и отбежать на десяток оргий, весь гурт сломя голову устремлялся за ней. Чем в та-

ких случаях руководствовалась бестолковая животиная, понять было трудно. Пышный зелёный куст мог быть оставлен ради пары листочков, до которых ещё требовалось дотянуться или допрыгнуть. Вредин, не дающих покоя ни себе, ни всему стаду, было четыре, и пастух, и псы следили за ними особо. Наступал час, старик развывал котомку, вынимал припасы, утолял жажду, ел, вяло пережёвывая пищу. Бросал собакам по куску лепёшки. Последнее являлось скорее ритуалом, чем настоящим кормлением. Псы у старика были умные, знали, что накормить их досыта хозяину не под силу. Пробавлялись сами, то зайчишку заполняют, то нерасторопного птенца изловят.

Жизнь прошла, словно сухой песок сквозь пальцы просыпалась. Вот будто вчера принёс присягу государству, а уже четырежды оббегал с новорождёнными чадами вокруг алтаря. Брал в руки меч, выходил на сечу, заканчивалась кровавая страда, возвращался к землешеству, становился за плуг. Опять брался за меч, опять пахал, и так все отпущенные ему годы. Теперь же только на то и годен, что соседских коз пасти. Скоро сунут ему за щёку обол, опустят в могилу, и Харон усадит в свою лодку. Жил, как отец, дед и прадеды. И так же, как и они, немного видел в этой жизни радостей. Одно утешало перед переселением в аид – никто не таил на него зла, никому не нанёс непрощённых обид. А может, за честную жизнь, за беды и тяготы, выпавшие на его долю, попадёт не в безрадостный, унылый аид, а на острова блаженных, где в царстве справедливого Кроноса благоденствуют праведники? Кто знает, не ему решать, это божий промысел. Может, и в этой жизни судьба ещё побалуует его. Ныне в Афинах, что ни год, то новины. А ну, как измыслят такой закон, по которому немощным старикам, вроде него, всё отдавшим Отечеству, выдавать какое ни есть вспомоществование. Кто знает, может, и измыслят.

План бегства обдумывал седмицу. Прикидывал и так и эдак, ничего путного, так, чтоб наверняка, на ум не приходило. Бежать решил в одиночку, боялся нарваться на доносчика. В глазах вставала прошлогодняя

картина, когда беглецов выдал двурушник. Да и не удавалось ни с кем сблизиться. В нём самом видели двурушника, кознями пытающегося вернуться в надсмотрщики. Незапрещимую проблему составляла одежда, еда и клеймо, полученное после неудачного побега. Сколько ни думал, так ничего и не измыслил. По тем обноскам, которые едва держатся на теле, прикрывая наготу, первый прохожий за стадий признает в нём беглого раба. Придётся прятаться, пока не раздобудет одежду. Клеймо прикроет волосами, затем как-нибудь заполучит шляпу. Запастись едой тоже не удастся, рабов кормили исключительно болтушкой. Всё это не главное – второстепенное. Главное – вырваться с рудника. Бежать Анаксимандр решил во время Великих элевсинских мистерий. Многие афиняне отправятся в Элевсин на таинства, те, что останутся дома, займутся празднованиями, жертвоприношениями. Дороги обезлюдуют, в полях работы затихнут, жатва давно закончилась, посевы не начались. И хотя праздники не для рабов, работы на руднике не остановятся, внимание у охранников и надзирателей ослабнет, им тоже захочется выпить чашу вина, а не возиться с рабами.

Риск лишиться жизни, а не обрести свободу, был достаточно велик. Шанс на удачу был довольно хлипким. Но при всех «если», стерегущих удачу, имел немаловажное преимущество перед другими способами, и Анаксимандр решился. Только бы хватило сил и мужества вытерпеть предстоящие муки.

Дни тянулись за днями, похожие, как маслины. Разговоры о неудачном походе афинян в Египет стихли. Анаксимандр боялся просчитаться и пропустить праздник. Летняя жара шла на убыль, но точно определить день месяца для раба было довольно затруднительно. Из барака выгоняли затемно, на ночлег из шахты выводили в потёмках. На рудничном дворе не росло ни кустика, ни былинки. Приближение осени ощущалось по ночным холодам, наступавшим в горах значительно раньше, чем на равнине. Рабы ворчали, хозяин скупился даже на клоч сена или драные шкуры.

(Продолжение следует)